

ШАНДОР СИЛИ

Московия и Венгрия

Период Московской Руси¹ (последняя треть XV в. – конец XVII в.) – особая парадигма развития в русской истории. За это время московское государство из средней региональной державы, расположенной на периферии Восточной Европы, превратилось в мировую империю. Возвышение этого государства стало заслугой Ивана III (1462–1505), а его упадок побудил Петра I (1682–1725) начать форсированную модернизацию европейского типа. Венгрия пережила последний взлет своего могущества в правление Матьяша Хуняди (1458–1490). После смерти короля, управлявшего Венгрией железной рукой, жизненная сила государства быстро улетучилась: в 1526 г. оно потеряло суверенитет, а в 1541 г. распалось на три части.

Дипломатические связи

Княжение Ивана III вывело Великое княжество Московское из сумрака неизвестности. Акции Кремля особенно повысились после 1480 г., когда московское государство окончательно сбросило с себя татарское «иго». Дипломатическое наступление в 1469 г. начал Святейший престол. Выдав жившую в Италии племянницу последнего византийского императора за Ивана III, папа попытался привлечь великого князя к антитурецкой коалиции. Брак был заключен в 1472 г., но сотрудничество не состоялось, поскольку с ватиканской стороны с ним связывалось намерение заключить церковную унию, которое в Москве было решительно отклонено. Примеру Святейшего престола последовали многие европейские государства. Ведущую роль в интенсификации контактов играла Священная Римская империя: в 1489–1492 и 1504–1509 гг. в центре переговоров находился «венгерский вопрос», а после 1515 г. – наступление османов.

Иван III был первым московским великим князем, который перешел от обороны к нападению в западном направлении, то есть в сторону Литвы. Тем самым началась борьба за «возвращение» восточнославянских территорий. На литовском великокняжеском и польском королевском престоле сидели члены литовской по происхождению династии Ягеллонов, которые в 1385 г. соединили два государства персональной унией, а в 1569 г. создали общее государство (Речь Посполита). В рассматриваемый нами исторический

период польско–литовский государственный конгломерат считался ведущей державой Восточной и Центральной Европы. В последней трети XV в. – первой трети XVI в. Габсбурги и Ягеллоны соперничали друг с другом из-за венгерской и чешской короны. Матьяш Хуняди, избранный королем на льду Дуная, не принадлежал к числу «порфирородных» королей. Обе знатные семьи считали его власть нелегитимной.

В 1482 г. венгерский король предложил московскому великому князю союз. Подписанное соглашение, как говорилось в летописях, о «братстве и любви» было направлено против Ягеллонов, однако оно не было реализовано из-за неожиданной смерти Матьяша (1490). По мнению российского историка Юрия Алексеева, это был первый межгосударственный договор, который был заключен Русью с европейским государством с конкретной военно-политической целью. Документальное оформление договора сопровождалось интенсивным налаживанием связей. В 1482–1489 гг. два двора обменялись по крайней мере тремя посольствами. С русской стороны первое посольство возглавлял руководитель дипломатического аппарата, доверенный человек великокняжеской семьи, дьяк Федор Курицын, которого православная церковь считала опасным вольнодумцем. Спустя несколько лет после возвращения послов митрополиту удалось добиться казни Курицына и его брата.

Кончина Матьяша Хуняди породила кровавые междоусобицы, в результате которых венгерская корона перешла к Владиславу Ягеллону (1490–1516), с 1471 г. занимавшему чешский трон. Его братья, польский король Ян Ольбрахт (1492–1501) и великий князь Литовский Александр (1492–1506), ставший и польским королем (1501–1506), вытеснили Габсбургов из Восточной и Центральной Европы. Весной 1491 г. император Священной Римской империи Фридрих III и великий князь Иван III вступили в союз, направленный против Ягеллонов. Союз был заключен в пользу сына императора, римского короля Максимилиана, однако и этот договор остался на бумаге. В ноябре 1491 г. Владислав и Максимилиан заключили мир в г. Пожонь (современная Братислава). Стратегические интересы Руси требовали подробной и свежей информации о внутреннем состоянии Венгерского королевства. Посольские донесения, посланные русскими дипломатами в октябре 1490 г. из Любека, в июне 1491 г. из Нюрнберга и год спустя из Ревеля (Таллинн), содержали подробное описание положения в Венгрии. Позже эта тема исчезла из документов и снова появилась в них только в 1503 г. По просьбе папы, король Венгрии и Чехии Владислав II попытался посредничать между литовским великим князем Александром и московским великим

князем Иваном III в интересах прекращения войны между ними и их вступления в совместную коалицию против турок. Неудача побудила Габсбургов заключить недолговечный союз с Москвой (1514) против Ягеллонов. Однако Венский договор 1515 г., решивший судьбу венгерской короны, умиротворил соперничавшие династии, и «восточная политика» Габсбургов вернулась к идее польско-литовско-русского примирения в надежде на создание совместного оборонного щита, который остановил бы османскую экспансию. После 1503 г. венгерско-русские дипломатические связи прекратились.

Внимание царского двора к событиям в Карпатском бассейне оставалось неизменным, однако уровень информированности с этого времени определялся немецкими и польско-литовскими источниками. В послании изменнику Курбскому, написанному в июле 1564 г., Иван IV (1533–1584) сравнил дезертировавшего боярина, который, по обвинению царя, не хотел воевать против астраханских татар, с якобы внушавшем народу «безумные мысли» Сапояи («Янушем Венгерским»). На Руси венгерского короля Яноша Сапояи (1526–1540) считали турецкой марионеткой, сговорившейся с Портой в эгоистическом стремлении к власти. Кажется, этот образ Сапояи был общеизвестен в образованных кругах, поскольку царь не счел нужным пояснить свое сравнение. Он был уверен в том, что его оскорбление попадет в цель. Этот мотив был снова использован в 1578 г. в ходе переговоров с послами трансильванского князя (1571–1586), польского короля и великого князя Литовского (1576–1586) Иштвана Батори (Стефана Батория), когда русские дипломаты напомнили своим польским партнерам о том, какая моральная атмосфера окружала избранного ими венценосца: «Был на королевстве Угорском... Лодовик, которого Турецкий убил, а посадил на Угрех Януша Семиградцкого, а Яныш был у Угорского короля у Лодовика гетман навышшой, и Януш, по ссылке с Турецким, Лодовика короля подал, и всем своим полком оступил, и для тое израды Турецкий его на королевстве учинил».²

Переписка между Иваном IV и Стефаном Баторием, изобиловавшая взаимными поношениями, была частью пропаганды того времени. В Ливонской войне польский король совершил два победных (1579, 1580) и один неудачный (1581) поход на московские земли. Дворянское ополчение польско-литовского государства состояло из легкой конницы, поэтому Баторий запросил пехоту и артиллерию у трансильванских сословий. В осаде крепостей приняло участие и погибло множество воинов как из Верхней Венгрии (современной Словакии), так и из «Парциума» (восточных земель Венгерского королевства, отошедших к Трансильвании после 1526 г.), и собст-

венной Трансильвании. Занятие Полоцка в 1579 г. стало возможным благодаря доблести бывшего соперника Батория, Гашпара Бекеша. Секретарь Трансильванских дел в канцелярии Батория, Пал Дюлаи отличился при осаде и взятии Великих Лук в 1580 г., а позже воспел события этого похода. Один из десятичных пешего войска, Матвей Керекеш, вписал свое имя в историю тем, что в отчаянной рукопашной схватке, сопровождавшей штурм 8 сентября 1581 г., первым водрузил трансильванское знамя на внешнюю башню псковской крепости. Пример Батория создал моду. Польские и литовские вельможи охотно включали в свои отряды «хунгарусов» (подданных венгерской короны любого этнического происхождения), завербованных в Верхней Венгрии, Трансильвании и на венгерских территориях, попавших под власть турок. По своей боевой сноровке венгерские наемники уступали немецким, зато их можно было заполучить по гораздо более низкой цене. В ходе почти непрерывных польско–русских войн XVII в. массы «хунгарусов» воевали на полях сражений в Московской Руси.

Эпизоды из области «народной дипломатии»

Известный русский «публицист» середины XVI века, Иван Пересветов, в молодости служил в гусарском отряде Яноша Сапояи (1528–1531), а позже – в легкой коннице Фердинанда Габсбурга (1532–1534). В сентябре 1548 (или 1549) г. он обратился к царю Ивану с челобитной, в которой просил защиты от произвола вельмож и предложил использовать его опыт, накопленный в чужих землях. Пересветов предложил и изготовить для русского войска гусарские щиты, образец которых он сделал собственными руками. Однако его инициатива осталась безрезультатной.

Летом 1552 г. неизвестный восточнославянский путешественник (паломник?) посетил монастырь, носивший название «Занов», который стоял в поместье венгерского землевладельца католического вероисповедания где-то вблизи Марамарошсигета в Восточных Карпатах. Иноземный посетитель особенно хвалил целебные воды этих красивых мест. Запись об этом размером в несколько строк распространялась в рукописных сборниках XVI–XVII вв. вместе с произведениями одного из известнейших русских путешественников того времени, Трифона Коробейникова.

В послании 1600 г. царь Борис Годунов (1598–1605), помимо прочего, известил королеву Елизавету о том, что присланный из Англии в Москву врач Кристофер Рихтингер («венгерец») вылечил его от тяжелой болезни.

Известен «проезжий лист» 1664–65 года на венгерском языке, выданный возвращавшемуся домой из плена рязанцу, Тимофею Ивановичу Чевкину, для беспрепятственного проезда по территории страны.

«Хунгарусы», поселившиеся в России

Многие из попавших в плен или дезертировавших венгерских наемников выбрали своей новой родиной Московское государство. В XVII в. русское правительство охотно принимало, больше того, поощряло прием на службу иноземных солдат (и ремесленников) принятие их в русское подданство. Их поселяли прежде всего на восточно-европейских и азиатских окраинах, где неохотно служили русские дворяне и представители других сословий, и откуда выходцы из других стран не могли бежать на родину. Среди воинов, присягнувших на верность царю, подавляющее большинство составляли белорусы, украинцы, поляки, литовцы и немцы. Доля венгров оставалась крайне малой. По существу они вели тот же образ жизни, что и защитники венгерских пограничных крепостей, но подвергались меньшей опасности и регулярно получали «месячное жалование».

Матьяш Угренин, перешедший на сторону русских у Пскова, прибыл в 1588 г. в главный город азиатской части страны в качестве члена одного из первых регулярных контингентов, направленных в Сибирь. Он отслужил пятьдесят лет по «литовскому списку», женился. Его сын, Яков Мартяшов, служил в тобольском рейтарском полку. В 1668 г. он был зачислен в наивысшую по социальному статусу и жалованию категорию живших в Сибири военных людей, в дети боярские.

В 1598 г. в западносибирское поселение Пелим был сослан Петрушка Угренин.

Иван Венгерский принадлежал к числу тобольских детей боярских. В 1634–35 г. ему был доверен пост воеводы Нижней Ницынской слободы, лежавшей на южной окраине Западной Сибири. В зауральских условиях слово «слобода» означало такое, обнесенное оградой поселение, которое представляло собой нечто среднее между селом и острогом. Ее воевода одновременно управлял и крестьянами, работавшими на государевой десятинной пашне. Нижняя Ницынская слобода была важным звеном в системе укреплений, созданных для обороны от нападений калмыцких орд. Иван Венгерский занимал ответственный и требовавший доверия пост.

Земляной городок Козлов был воздвигнут в 1636 г. для охраны рязанских границ от набегов крымских татар. Она стала частью новой, южной пограничной линии Московского государства, «Белгородской черты». В 1636–37 г. в Белгороде и (Старом) Осколе были поселены «венгренин Александр Легданский с товарищами». В 1652 г. за переход в православную веру был награжден служивший в Козлове «иноземец Венгерской земли» Лаврентий Мигалев.

В 1644–45 г. имевший правовой статус «иноземца» вологодский помещик Иван Данилович Венгерский обратился в занимавшийся делами выходцев из других стран стол одного из московских приказов с жалобой по делу о нанесении тяжелых телесных повреждений против польского дворянина, проживавшего в Белозерске.

В 1659 г. венгерские ратники, взятые в плен в Литве во время «религиозной» войны между Россией и Польшей и доставленные в Москву, обратились к властям с предложением вступить в царское войско в случае выплаты им соответствующего жалования.

В 1671 г. «иноземному рудознатцу» Ивану Венгерскому поручили организовать добычу серебра на залежах, открытых в районе Тобольска.

Среди детей «хунгарусов», поселившихся на азиатских территориях Московского государства, можно обнаружить тунгусского толмача из дальневосточного Охотска (Ивашко Угренинов – 1652), кречатьего помощника из западносибирской Тюмени (Ганка Угренинов – 1668), сына боярского в Якутске на северо-востоке Сибири (Иван Офонасьев Венгерский – 1696). Однако общерусскую известность получил только один: старец Авраамий, пламенный проповедник сибирских старообрядцев.

Старец Авраамий (в миру Алексей Иванович Венгерский) организовал вблизи Утяцкой слободы около Тобольска старообрядческую «пустынь». В 1862 г. его сторонники отказались признать власть вступивших на трон новых царей (Ивана и Петра I), а по их убеждению – власть Антихриста. Когда войска окружили старообрядцев, они выбрали добровольное самосожжение, за исключением Авраамия, след которого был потерян. Вскоре он появился в болотистой местности на Дальних Кармаках (в Тюменском уезде), где организовал скиты на одном из пустынных островов. В 1701 г. удалось обнаружить и разгромить эти «опасные» поселения. Авраамий был схвачен. Вместе с ним в руки властей попала и его библиотека.

Примечания

1. Обычно так называлась в русских источниках империя, выросшая из бывшего Великого княжества Московского (Московская Русь, Московское государство). Параллельно с этим с середины XVI в., а еще чаще – в XVII в. стало употребляться и слово греческого происхождения «Россия». Венгерское слово «Moszkóvia» («Московия») происходит из латинского перевода самоназвания (Russia Moscovia).

2. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Ленинград, 1979. 396.

Источники

- (Abafáji) Gyulay Pál: Commentarius rerum, a Stephano rege, adversus magnum Moschorum ducem gestarum, anno 1580. In: Szabó György: Abafáji Gyulay Pál. Budapest, 1974. 74–82; Венгерский перевод: Koncz József: Báthory István király hadjárata az oroszok ellen 1580-ban. In: Hadtörténelmi Közlemények 1897. 467–483; Gyulai Pál: Emlékirat Báthory István királynak az oroszok nagyfejedelme ellen 1580-ban viselt háborújáról. In: Erdély öröksége. Erdélyi emlékirók Erdélyről. 2. k. Sárkányfogak. 1572–1602. (Szerk.: Makkai László – Cs. Szabó László) Budapest, é. n. [1941]. 47–61.
- Fontes Rerum Hungaricarum. T. 3. Báthory István lengyel király udvari számadáskönyveinek magyar- és erdélyországi adalékai (1576–1586). Kiadja: Dr. Veress Endre. Budapest, 1918.
- Géresi Kálmán: Hunyadi Mátyás magyar király diplomáciai összeköttetései III-ik Iván Vasziljevics orosz cárral. In: Századok 1879. 239–249.
- Szádeczky-Kardos Lajos: Báthory István emlékirata a muszka cásrhoz 1581-ben. In: Századok 1884. 511–517.
- Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. (Осада Пскова.) Псков, 1882.
- Дополнения к Актам Историческим (ДАИ). Т. 1. Санкт-Петербург, 1846. 292; Т. 3. Санкт-Петербург, 1848. 343.
- Записки о Московской войне (1578–1582) Рейнгольда Гейденштейна. Санкт-Петербург, 1889.
- Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Книга 12. Москва, 1901. Столбцы Белгородского стола. № 490; Книга 15. Москва, 1908. Документы Приказного стола. № 99., 193., 273., 558; Книга 16. Москва, 1910. Столбцы Приказного стола. № 857.
- Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными (ПДСР). Т. 1. Санкт-Петербург, 1851. Стб. 28–29., 62–64., 65., 73–74., 93–94., 100., 102–103., 106–107., 130–131., 151., 159–173.
- Первое послание Ивана Грозного Курбскому. В кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Ленинград, 1979. 37., 85., 147., 396.
- Переписка о калмыцкой угрозе между Тюменским воеводой и Иваном Венгерским. В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. Москва–Ленинград, 1941. № 322., 324., 326, 334., 337., 338., 344., 347., 353., 356.
- Пересветов И. С. Малая челобитная. В кн.: Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). Конец XV – первая половина XVI века. Москва, 1984. 596–601.
- Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Москва–Ленинград, 1952.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 6. Санкт-Петербург, 1853. 35., 37., 46., 239; Т. 12. Санкт-Петербург, 1901. 214., 221., 258; Т. 24. Петроград, 1921. 204., 206; Т. 27. Москва–Ленинград, 1962. 285., 289., 360; Т. 28. Москва–Ленинград, 1963. 152., 154., 319., 334.; Русские летописи. Т. 3. Воскресенская летопись. [Ч. 2.] Рязань, 1998. 284.
- Российский Государственный Архив древних актов (РГАДА). Фонд 214. Книга 367. Лист 132; Фонд 214. Книга 535. Лист 98.

- Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 2. Санкт-Петербург, 1875. Стб. 614., 637–638; Т. 13. Санкт-Петербург, 1909. Стб. 1084, 1114–1119.
Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 41. Санкт-Петербург, 1884. 4–6., 41., 47.

Литература

- Ágoston Magdolna: Fjodor Kuricin magyarországi diplomáciai missziója. In: Találkozások Oroszországgal. Szláv Történeti és Filológiai Társaság. Berzsenyi Dániel Főiskola. „Oroszország népeinek története” sorozat. 9. Szombathely, 2003. 76–86.
Kukor Noémi: A magyar Zánovról. (Magyar kolostor a XVI. századi orosz utazó szemével.) In: Találkozások 2003. 87–96.
Szádeczky-Kardos Lajos: Báthory István hadjáratai az oroszok ellen. In: Hadtörténeti Közlemények 1888. 32–46., 224–245., 408–415., 538–548.
Szádeczky-Kardos Lajos: Báthory István lengyel király magyar katonái az 1580-i orosz háborúban. In: Hadtörténeti Közlemények 1931. 1–30.
Szili Sándor: Magyar vitézek cári zsoldban a XVI. század végén – XVII. század első felében. In: Találkozások 2003. 97–108.
Szkrinnyikov, R. G. Az orosz birodalom születése. Budapest, 1997.
Veress Endre: Berzeviczy Márton (1538–1596). Budapest, 1911. (О русском походе Батория: 127–148.)
Алексеев, Ю. Г. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV-XV вв. Санкт-Петербург, 1998. 205.
История внешней политики России. Т. 1. Конец XV–XVII век. Москва, 1999. 124–125.
Казакова, Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России. Ленинград, 1980. 73–79.
Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.) Ч. 1. А–З. Санкт-Петербург, 1992. 44–47.